

Я закрыл глаза, ощущая, как жар от стеклянной чашки передается в мою ладонь, и наконец поднял взгляд, чтобы встретиться глазами с У Мянem:

— ...Я переспал со своим родным братом.

Удивление мелькнуло на лице У Мянem лишь на мгновение. Уже то, что я озвучил это, делало его мнение для меня неважным, но его спокойное и объективное отношение, по крайней мере, не заставило меня чувствовать себя оскорбленным.

Я сделал вид, что шучу, и улыбнулся:

— Он долгое время жил за границей, и, честно говоря, мы сначала не были близки... И вот, как-то само собой, это случилось. Возможно, я не воспринимал его как брата, а может, просто у меня низкие моральные принципы.

У Мянem сделал паузу и мягко произнес:

— Эффект Вестермарка говорит о том, что дети, которые росли вместе, во взрослом возрасте не испытывают сексуального влечения друг к другу. Однако, если родственники не росли вместе, у них может возникнуть так называемое генетическое сексуальное влечение (GSA).

— Цзюньянem, это не твоя вина. Это из-за ваших общих генов. Такое влечение сильнее, чем между людьми без кровных уз, и чем ближе ваша связь, тем оно заметнее.

Я промолчал некоторое время, прежде чем ответить:

— ...Это всего лишь оправдания. Я с самого начала знал, что между нами будет необычное влечение, но я должен был сдерживать эту ненормальную страсть и быть хорошим братом. Но я не смог, и в этом моя ошибка.

У Мянem кивнул, его тон стал серьезным:

— Тогда можешь рассказать, почему ты сделал такой выбор? Или... что ты чувствовал в тот момент?

— Потому что он красивый, — ответил я без колебаний.

Он слегка улыбнулся:

— Если можно, я бы хотел услышать что-то более глубокое.

— Ха... тогда причин много.

— Ничего страшного, я слушаю.

Я нахмурился, пытаюсь вернуться к тому моменту, когда впервые позволил себе соблазнить Андрея, и вспомнить, что именно я тогда думал. Мне нравится анализировать свои мысли, словно я кладу себя на холодный анатомический стол или становлюсь призрачным наблюдателем своих болезненных воспоминаний, хотя такой самоанализ обычно ни к чему не приводит.

— Думаю, отчасти это была месть матери. Оскверняя ее любимого идеального ребенка, я мстил за годы ее безразличия ко мне. И еще тогда... мой брат был ко мне холоден. Я хотел привлечь его внимание, хотел, чтобы он увидел меня как старшего брата, хотел... хотя бы в постели

контролировать его.

Тут я замолчал, заметив, что У Мянью включил музыку. Мягкие звуки фортепиано разлились по гостиной. Я сделал глубокий вдох и медленно выдохнул:

— Последняя причина... звучит смешно.

— Что бы это ни было, я хочу услышать.

Я посмотрел на теплый свет лампы и через некоторое время тихо произнес:

— Он... просто стоял там, и я чувствовал, как это влечение поглощает меня. Когда мы занимались любовью, я чувствовал себя цельным — это трудно описать, словно так и должно было быть, и я наконец восполнил недостающую часть себя, я наконец стал собой.

У Мянью терпеливо выслушал меня и тихо вздохнул:

— Цзюньянью.

— Да?

— Ты слишком хорошо знаешь себя, — сказал он. — Это не утомляет тебя?

Я покачал головой.

Тогда женщина-врач с сожалением указала на мое сердце и сказала:

— Сюй Цзюньянью, ты сам знаешь, где твоя болезнь. Ты уже стал своим собственным врачом.

«Нет. Я лишь диагностирую, но не могу вылечить. Я знаю источник всех страданий, но не могу его устранить».

— Основываясь на твоих словах, я хочу поделиться своим мнением. Если ты не согласен, можешь прервать меня в любой момент, — мягко сказал У Мянью. — Цзюньянью, твой брат — это совокупность всего, чего тебе не хватает. Он олицетворяет семью, заботу, родительскую любовь — это его притягательная аура. Занимаясь с ним любовью, ты словно пытаешься прикоснуться к этому свету, чтобы косвенно почувствовать то, что делает тебя цельным. Но на самом деле это лишь заменитель, который не может удовлетворить истинные потребности твоей души, а только усиливает напряжение.

— Нам нужно решить проблему, а значит, нужно удовлетворить эти потребности. Тебе нужна не сексуальная близость, а настоящая семейная связь, настоящая любовь.

У Мянью, будучи одиноким отцом, умел заботиться о других с особой чуткостью. Он приготовил для меня комнату, хотя я хотел остановиться в гостинице. Он настаивал:

— Уже почти час ночи, не стоит так мучить себя. Тебе нужно пораньше лечь спать, чтобы чувствовать себя лучше.

Мне было неловко, что я среди ночи устроил сцену и теперь еще заставляю его принимать меня у себя, но он лишь махнул рукой:

— Я врач, мой телефон включен 24 часа в сутки, чтобы вы могли обратиться ко мне в любой момент. Не стоит так церемониться.

После разговора об Андрее У Мянэ не стал копать глубже, а перевел разговор на более легкие темы, чтобы я успокоился. Меня это удивило, он не был похож на других психологов, которых я встречал, которые стремились выудить из меня все мысли сразу. У Мянэ, напротив, сдерживал свое любопытство.

На это он лишь улыбнулся:

— Ночь действительно подходящее время для «откровений», в такие моменты люди склонны говорить то, что скрывают глубоко внутри... но большинство потом сильно жалеют об этом.

— Вместо того чтобы сейчас пользоваться твоей уязвимостью, я верю, что в будущем ты сам, обдумав все, доверишь мне свои тайны, — сказал он. — Многие приходят за помощью, собрав всю свою смелость, поэтому я хочу сохранить достоинство своих пациентов.

Я молчал некоторое время, затем сжал губы:

— Ты хороший врач, с тобой комфортно.

— Мы увидимся на следующей неделе, — сказал он, мягко закрывая за мной дверь. — Цзюньянь, спасибо, что сегодня открылся мне. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Ночь прошла без сновидений.

На следующее утро я встал пораньше и тихо покинул дом У Мянэ. Выйдя из жилого комплекса, я вызвал такси, чтобы сначала заехать к себе за документами и одеждой.

Только я вставил ключ в замок, как дверь открылась изнутри. Андрей стоял на пороге, выглядевший усталым, с легкой синевой под глазами, которая резко выделялась на его бледном лице. Увидев меня, он собрался с силами и улыбнулся мягкой улыбкой:

— Брат, ты вернулся...

— Почему ты еще не уехал?

Эти слова сорвались с моих губ, и я увидел, как его взгляд мгновенно потускнел, а его яркие золотистые волосы потеряли привычный блеск.

Всегда гордый и холодный, он теперь с трудом поддерживал улыбку:

— Я... Я ждал тебя, боялся, что с тобой что-то случилось.

— Что со мной может случиться? — Снял куртку и бросил ее на диван. Вчера в гневе я схватил первую попавшуюся вещь и не заметил, что это была куртка Андрея. Игнорируя его, я направился за своей одеждой, а Андрей, словно настойчивый щенок, следовал за мной по пятам, несколько раз я чуть не столкнулся с ним, обернувшись.

— Что тебе нужно? — Хотя с момента вчерашнего скандала я уже успокоился, теперь я скрипя зубами произнес:

— Андрей, ты ведь не забыл, что сказал вчера...

— Я был неправ, — тут же перебил он. — Я говорил ерунду, брат, я не хотел этого, я не думал

так на самом деле. Все потому, что я перебрал, пока ждал тебя...

— Ты еще и наркотики принимаешь?! — Едва сдерживаемый гнев снова поднялся к голове, и, если бы не спешка на работу, я бы, наверное, дал ему пощечину. — Ты с ума сошел? Как я объясню это маме?!

Андрей обнял меня за талию, уткнувшись лицом в мою шею:

— Брат, я был неправ, прости меня! Я просто хотел попробовать, ничего больше! Брат, ты всегда был ко мне добр... М-м, брат, я всю ночь не спал...

Если бы у него был хвост, он бы сейчас вилял им, как огромная собака. Этот капризный Андрей и тот холодный, жестокий мужчина из прошлой ночи наложились друг на друга, создавая странное чувство абсурда. Его поведение застопорило мои приготовленные резкие слова в горле, и я лишь раздраженно оттолкнул его:

— Ладно, мне нужно на работу, хватит притворяться!

<http://bllate.org/book/16832/1548717>